

В. М. Русин, иерей,

председатель Историко-архивной комиссии по изучению материалов репрессированных священно-, церковнослужителей Курской епархии
(г. Курск).

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА КУРСКОГО РЕВТРИБУНАЛА В ОТНОШЕНИИ ДУХОВЕНСТВА.

Предварительные итоги исследования.

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления материалов в отношении репрессированных священно-, и церковнослужителей (в целом) и вопросу изучения материалов фонда Курского губернского революционного трибунала в Государственном архиве Курской области (в частности). Обратиться к этим источникам исследователя заставили безрезультатные поиски в архиве УФСБ по Курской области жертв кампании по изъятию церковных ценностей. В ходе исследования база данных Историко-архивной комиссии Курской епархии пополнилась именами священников и мирян, в отношении которых возбуждались следственные дела в 1919-1922 годы. Это иерей Иоанн Стефанович Антонов из села Коренское Рыльского уезда, иерей Петр Иванович Пестряков из села Безыменное Грайворонского уезда, иерей Алексей Васильевич Оболенский из села Селино Дмитриевского уезда, иерей Константин Михайлович Угревицкий из села Самарино Обоянского уезда и ряд мирян. Собственно, к кампании по изъятию церковных ценностей имеет отношение лишь дело священника Константина Угревицкого. Сведения протопресвитера Михаила Польского о 68 пострадавших в Курской губернии во время изъятия церковных ценностей, пока подтвердить не удалось. Но и отвергать их рано. Во-первых, значительная часть дел архива ФСБ так и остаётся недоступной для исследователей. Во-вторых, в революционной неразберихе не все дела оформлялись должным об-

разом. В-третьих, не все сохранились. В-четвёртых, изучение фонда Курского ревтрибунала ещё не завершено.

Ключевые слова: трибунал, изъятие церковных ценностей, следственное дело, репрессии.

С 2017 года началась череда печальных юбилеев, и один из них грядёт в 2022 году. Это столетие начала кампании по изъятию церковных ценностей. Тогда под предлогом помощи голодающим сподвижники В.И. Ленина попытались вытеснить Церковь из общественного пространства.

То, что нескольким районам страны грозит голод, стало ясно ещё в начале лета 1921 года. Уже в июне того же года при активном участии Патриарха Тихона был организован и получил регистрацию Церковный комитет помощи голодающим. «Страдания голодающих и больных не поддаются описанию, и многие миллионы людей обречены на смерть от голода и мора» [3, с. 120], - взывал Патриарх не только к православным, но и ко всем народам земли. Известно несколько патриарших посланий с призывами оказать помощь пострадавшим от неурожая. Все они проникнуты искренним состраданием, любовью и отеческой заботой о людях. Чувствуется глубокое сожаление и в сообщении Патриарха о том, что организованная Церковью деятельность по сбору помощи голодающим «была признана советским правительством излишней» [3, с. 131].

Как набат звучали и слова епископа Переславского Дамиана (Воскресенского). В 1921 году Господь благословил Залесский край урожаем и владыка призвал свою паству протянуть руку помощи голодающим. «Явная милость побуждает нас быть особенно отзывчивыми на неисходное горе братьев наших из Поволжья» [4, л.22.], - обращался священномученик Дамиан к своей пастве.

Другими чувствами продиктовано строго секретное когда-то, а ныне широко известное письмо В.И. Ленина В.М. Молотову от 19 марта 1922 года. Вождь мирового пролетариата в дни народного бедствия думал о том, как свести счёты с духовенством, как «разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой... позиции на много десятилетий» [13, с. 89]. В гневе он приказывал

«провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления» [13, с. 89]. Далее в тексте письма Ленина неоднократно встречаются слова «беспощадность», «жестокость», «максимальная быстрота». К слову, «на жестоких мерах против Церкви» [10, с. 55] настаивал и Ф.Э. Дзержинский, образ которого вновь пытаются героизировать.

Вершиной тайного эпистолярного наследия Владимира Ильича является финал этого секретного письма, в котором автор уже открытым текстом призывает к террору в отношении духовных лиц: «Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» [13, с. 91].

А сколько же человек «удалось» соратникам Ленина расстрелять в ходе кампании по изъятию церковных ценностей в целом по стране и конкретно в Курском крае? На этот вопрос нет точного ответа.

Протопресвитер Михаил Польский, один из первых собирателей сведений о гонениях за веру в СССР, сообщал: «В связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г. расстреляно и замучено духовных лиц разного звания 8 100» [12, с. 213-214]. Из них 68 – куряне, по его же информации. [12, с. 213].

Но едва ли следует ожидать точности от исследователя, который находится за океаном и не имеет доступа к архивной документации. Первый том своей знаменитой книги «Новые мученики российские» отец Михаил издал в 1949 году, живя в США.

У отечественных исследователей, опирающихся на широкую источниковую базу, встречается замечание, что «власть при изъятии ценностей прибегала к оружию 1414 раз» [10, с. 55].

Более десяти лет сотрудники Историко-архивной комиссии Курской епархии тщетно пытались найти следственные дела, возбуждённые по факту сопротивления изъятию церковных ценностей. Искали в архиве УФСБ по Курской области. Это вовсе не означает, что их там нет. Просто, чтобы получить

доступ к тому или иному делу нам необходимо сделать запрос, указав имя пострадавшего священно, или церковнослужителя. А имён мы не знали.

Лишь в деле ктитора Михайловского храма города Курска Л.П. Самсыкина нам встретилось пояснение, что первый раз Леонида Павловича арестовали в 1924 году «за сопротивление кампании по изъятию церковных ценностей» [2, л. б/н] и приговорили к трём месяцам принудительных работ. В ту пору обвиняемый был членом церковного совета курского Покровского храма. Последний арест, случившийся в 1937 году, завершился для Самсыкина 10 января 1938 года приговором к высшей мере наказания» [9, с. 244]. Расстрелян он в урочище Солянка.

Дальнейшие поиски привели нас в Государственный архив Курской области. Разумеется, мы и ранее неоднократно латали пробелы в церковной истории края с помощью богатейших архивных сокровищ ГАКО. Однако впервые поставили перед собой задачу досконально изучить фонд Курского губернского революционного трибунала и выявить все следственные дела в отношении духовенства, монашествующих и церковнослужителей.

Говоря о наследии ревтрибунала, мы не будем останавливаться на описании структуры этого чрезвычайного судебного органа и процессов судопроизводства. Этой теме посвящена замечательная монография тульского историка А. В. Макутчева «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит... Революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны». Там же вы найдёте исчерпывающую историографию по данной теме: от первых публикаций по горячим следам до современных исследований, которые велись с холодным носом. Деятельность ревтрибуналов нашла отражение и в художественной литературе. В 2018 году победителем конкурса на лучшее художественное произведение о новомучениках Российских стал роман Екатерины Федорчук «Трибунал», основанный на наследии Саратовского ревтрибунала.

Погружаясь в документы фонда Курского трибунала, нельзя не согласиться с Макутчевым, что «компетенция ревтрибуналов была намного шире компетенции ЧК» [11, с. 8].

При подготовке доклада мы вынуждены воздержаться от общего описания фонда и от сравнительной статистики. Исследование не завершено. Его пришлось приостановить из-за ограничительных мер, вызванных борьбой с постигшей нас эпидемией. Ограничимся кратким описанием выявленных дел.

Священника Иоанна Антонова из села Коренского Рыльского уезда арестовали в декабре 1919 года. Поначалу им занималась ЧК, но 15 января 1920 года его дело было решено передать в трибунал. Священника обвиняли в контрреволюционной деятельности и «пособничестве белым» [6, л. 5-об.]. В чём же это выражалось? В том, что батюшка якобы относился к односельчанам плохо, был «угнетателем бедного народа».[6, л. 14]. Угрожал людям плетью в те дни, когда село было занято белыми. К тому же по селу ходили слухи, что сыновья отца Иоанна в «деникинской банде».

Позднее выяснилось, что оба сына священника служили в Красной Армии. Порфирий получил ранение и был отпущен домой в отпуск. Лука по физическим недостаткам был освобождён от участия в военных действиях, но мобилизован в медико-санитарный отдел Рыльска. Дочь-учительница Ефросиния жила в Курске, работала в школе №13. Трое младших детей отца Иоанна ещё не достигли совершеннолетия и жили с родителями. После ареста кормилица семья бедствовала.

Свидетель Н. И. Петрищев показал, что не знает, как священник относится к советской власти, сообщив лишь, что тот «денег советских не брал» [6, л. 20]. Ещё один свидетель Н. А. Киреев признался: «Я по делу священника Антонова совершенно ничего не знаю» [6, л. 21]. Свидетель Н. Р. Вороньков подтвердил, будто «священник в церкви угрожал плетью» [6, л.18].

Историю с плетью отец Иоанн считал шуткой. Она произошла в родительскую субботу 26 октября. Вороньков опоздал в храм на панихиду и попросил священника отслужить ещё раз. Вину за задержку нерадивый прихожанин, как и праотец Адам, свалил на жену. На что батюшка, шутя, посоветовал пробрать её. «Не плетью ли?», - спросил Вороньков. И на это священник ответил шуткой. Шутка была не понята. Хотя отец Иоанн был уверен, что его слова не

будут иметь столь горестных последствий. Ведь с Вороньковым, по словам священника, они расстались друзьями. «Никаких угроз я... не говорил... Почему я арестован, не знаю». [6, л. 10-об].

Ещё один свидетель А. В. Ерёмин сообщил, что отец Иоанн якобы отказался отпевать его сына, замученного деникинцами. Действительно, сын Ерёмина был убит белым офицером, который имел личные счёты и со священником. Чтобы свести их, он искал случая. Отец Иоанн не отказался совершить погребение, но попросил взять у светских властей официальное разрешение на похороны. Однако вскоре белые отступили, и священник без опаски совершил обряд погребения сына Ерёмина.

На допросе 5 февраля отец Иоанн Антонов признавался, что всегда относился к советской власти сочувственно, и просил отпустить его на поруки детей: «так как мне при теперешнем моём возрасте тюремное заключение равно смерти» [6, л. 10-об].

Через два дня его просьбу удовлетворили «ввиду того, что выявлены некоторые подробности дела, а следствие может затянуться». [6, л. 9]. Дочь священника в данной ей подписке заверяла, что её отец будет ожидать продолжения следствия в селе Коренском и от суда скрываться не станет. Но суда батюшка не дождался. Он умер вскоре после освобождения из тюрьмы, 11 февраля. И 14 февраля был отпет священником Иоанном Моисеевым и причтом курской Преображенской церкви. [6, л. 26]. 16 февраля дело в отношении иерея Иоанна Стефановича Антонова было прекращено «ввиду смерти последнего». [6, л. 2].

Прокуратура Курской области, рассмотрев эти документы в 2002 году, сочла, что закон о реабилитации к ним применить нельзя. [6, л. б/н]. Поэтому имя священника Иоанна Антонова не попало в «Книги памяти жертв политических репрессий».

В марте 1920 года было начато и через две недели прекращено дело в отношении священника Петра Ивановича Пестрякова, ранее служившего в селе Безыменное Грайворонского уезда. Арестовали его на основании заявлений

бывшего прихожанина Тихона К., ставшего членом ревкома и уже три года всячески терроризировавшего батюшку, и жителя города Грайворона Петра Ч., тоже ставшего местным начальничком и ранее посылавшего иерея Петра Пестрякова на рытьё окопов.

Заявители сообщали, что «поп Пестряков... противник Советской Власти и явный контрреволюционер» [7, л. 4] бежал с «деникинскими бандами», но затем вернулся в Грайворон и поселился в деревне Бражниковой на Подольской улице. «Он знал за собою грехи, - доносил Петр Ч. – Он знал, что благодаря его показанию, бандиты врываются в дома красноармейцев и под угрозами расстрела грабили и всячески издевались над беззащитными женщинами. Это неоспоримый факт...» [7, л. 4-4-об.]

Однако для следствия связь деятельности священника с грабежами и издевательствами была не столь очевидна. Отцу Петру Пестрякову позволили написать показания в свою защиту и отпустили из арестного дома на поруки. К сожалению, нам неизвестна пока дальнейшая судьба священника, которому в дни описываемых событий было 57 лет.

Священнику Алексею Васильевичу Оболенскому, служившему в селе Селино Дмитриевского уезда, в 1919 году было 45 лет. Дело на него завели по заявлению псаломщика Григория Ивановича Лагутина. Последний обиделся на настоятеля за то, что тот в пасхальные дни разрешил ходить по приходу с иконой двум другим псаломщикам. Лагутин на три месяца выпал из приходской жизни, находясь на курсах. В это напряжённое великопостное время батюшке помогали Николай Анохин и Григорий Мосякин. Их он в знак благодарности посчитал справедливым благословить отправиться по приходу с традиционными поздравлениями, за которые прихожане вознаграждали церковный причт.

Лагутин посчитал себя оскорблённым и начал не очень грамотно качать права (иначе, простите, его действия не назовёшь): «Имею честь донести... я, как считаюсь полноправным псаломщиком в селе Селиной, заявил священнику Оболенскому: я избранник народный на основании декрета народных комиссаров в состоянии выполнить долг, возложенный на меня Властью. В ответ полу-

чил от священника Оболенского, что я Вас не признаю, как псаломщика. Что составляет непризнание декрета Народных Комиссаров, а по сему я признаю открытое выступление Оболенского против Советской Власти. Я, Лагутин, заявил, что если так поступаете монархически, как это было до революции, в свободной стране Советской Республики, о том донесу местному церковному совету... Священник выразился, это не совет, а ПАРТИЯ ХУЛИГАНОВ». [5, л. 12-12-об.]

Уездная Дмитриевская следственная комиссия, допросив свидетелей, в мае 1919 года не усмотрела в действиях и словах обвиняемого никакой контрреволюционной деятельности. Происшедшее было классифицировано, как «личные счёты». [5, л. 18]. А 12 сентября 1919 года Курский губернский ревтрибунал прекратил дело в отношении священника «в виду отсутствия состава преступления». [5, л. 1].

Не столь благополучно завершился конфликт, возникший в селе Самарино Обоянского уезда весной 1922 года. Здесь двухдневное противостояние местных жителей и членов комиссии по изъятию церковных ценностей, громко названное на обложке уголовного дела восстанием, имело продолжение в показательном судебном разбирательстве. Суд проходил в летнем театре города Обоянь в июле. А завязка драмы произошла в мае. Если быть точнее, 6 мая в день великомученика Георгия Победоносца после Божественной Литургии.

В Самарино явились члены уездной подкомиссии по изъятию церковных ценностей Трубин и Мартыненко. К обеду они припоздали, поэтому храм уже был закрыт.

Комиссию в Самарино ждали. Церковный актив горячо обсуждал то, как встречать гостей. Поскольку священник неоднократно призывал не жалеть ценностей, которые могут спасти жизнь голодающим, крестьяне испугались, что батюшка отдаст слишком много. Члены церковного совета попросили у отца Константина Угревицкого ключи от храма и передали их на хранение Павлу Картамышеву, который обещал не дать ограбить и разломать церковь. Он-то, а

не священник стал главным обвиняемым. Всего же по самаринскому делу арестовали 7 человек.

6 мая члены комиссии по изъятию не на шутку перепугались. Как это видно из показаний, народ боялся, что из храма заберут церковные сосуды, и не на чем будет служить Литургию. Отец Константин попытался успокоить взволнованных прихожан и попросил их разойтись по домам. А в ответ услышал: «Мы Вас оставим и Вы всю церковь отдадите – не разойдёмся» [8, л.39-об.] Священник уже не просил, а умолял: «Умоляю Вас разойтись, иначе вы добьётесь таких результатов, о которых сами после будете сожалеть» [8, л. 39-об]. Но народ шумел, и комиссии пришлось отступить, чтобы на следующий день вернуться с подкреплением. Члены комиссии, отдав в сельсовет соседней деревни Шмырёво на хранение сундуки с уже изъятими из других церквей ценностями, уплыли за реку в Рыбинские буды. Дождавшись вооружённого отряда из Обояни, они 7 мая вернулись в Самарино. Это был воскресный день.

С утра комиссия с отрядом произвела изъятие ценностей в Шмырёво. Но там брать было, по большому счёту, нечего. А после обеда начался повторный штурм самаринской церкви. Собравшуюся у храма толпу (около трёхсот человек) окружил отряд. Церковь вновь была закрыта и ключи вновь находились у избранного народом хранителя – Павла Картамышева. Многие из собравшихся у храма уже сожалели, что поддались протестным настроениям и вступили в конфликт с малочисленной комиссией. Дело принимало серьёзный оборот. Картамышев искал поддержки у народа. Народ безмолвствовал. Никто не разрешал ему открыть храм, но никто и не одобрял его упрямства. Тогда Картамышев бросил ключи от храма на землю со словами «Николай бросил корону, а я бросаю ключи» [8, лл. 121-об–122]. Гости потребовали, чтобы храм открыл Михаил Дмитриевич Польшин, бывший ктиторм храма. Тот не выполнил требования. Тогда ключи были переданы настоятелю, и отец Константин открыл церковь, предварительно подчёркнув, что он выполняет требование властей.

Далее члены комиссии, по словам председателя Самаринского сельсовета, «изъяли церковные ценности без всякого оскорбления религиозных чувств».

[8, л.5 3-об]. Но местных жителей решили проучить. Таким образом под арестом оказались семеро: священник Константин Угревицкий, хранитель ключей Павел Картамышев, ктитор Михаил Польшин, местные жители Федор Дураков, Андриан Савенков, Иван Картамышев и Захар Деревлев из Шнырёво, который никакого отношения к самаринскому храму не имел, поскольку был старообрядцем. О себе он говорил: «Я старообрядец и не имею интересов защищать церковь православную» [8, л. 123-об].

Павла Картамышева арестовали на месте 7 мая. Отец Константин был 13 мая вызван в Обоянь к следователю, прибывшему из Курска, и там взят под стражу. В конечном итоге обвинения, предъявленные священнику и двум крестьянам (Ф. Дуракову и И. Картамышеву), были не доказаны и их оправдали. М. Польшин, А. Савенков и З. Деревлев были приговорены к трём годам лишения свободы. Срок им предстояло отбывать в исправтруддome «со строгой изоляцией, без использования по специальности». [8. л. 5]. Впрочем, через два года и они вышли на свободу по амнистии. А вот хранитель ключей Павел Картамышев не вернулся к семье. За три дня до выездной сессии Курского ревтрибунала он скончался от сыпного тифа в обоянской народной больнице. [8, л. 114]. Ему было 49 лет. До революции он служил в царской армии в чине младшего унтер-офицера.

Отец Константин не скрывал, что по многим вопросам расходился с покойным Павлом Картамышевым. « О том, чтобы он агитировал против изъятия ценностей, я сказать не могу, - говорил священник. – Мне были известны взгляды Картамышева на Советскую власть, но об этом я не желаю говорить, он подчинялся власти, был красноречив и говорил без перерыва по несколько часов... Он говорил с Евангелием в руках и на религиозную тему. Он не был любимцем граждан. Но граждане охотно слушали его речи». [8, л. 122].

Следует отметить, что в защиту священника выступили жители Самарино, привлечённые в качестве свидетелей. Одному из них, председателю сельсовета Тимофею Ефимовичу Сергееву, это выступление стоило больших неприятностей. Он подтвердил, что отец Константин призывал народ разойтись и го-

ворил о необходимости сдать ценности. «Председателем сельсовета я восьмой месяц. Я беспартийный, - признавался Сергеев. – Угревицкий содействовал мне для проведения советской работы, он разъяснял мне разные приказы и постановления власти, т.к. я человек малограмотный, ходил только две зимы в школу». [8, л.128-об].

Такого отравления не смог стерпеть обвинитель и попросил самого Тимофея Сергеева «посадить на скамью подсудимых... за дачу ложных показаний ввиду его пристрастия к обвиняемым» [8, л.128-об]. Просьбу обвинителя опротестовала защита. И суд после краткого совещания постановил «вопрос о привлечении свидетеля Сергеева в качестве обвиняемого... оставить открытым» [8, л.128-об].

Был ли судим Т. Е. Сергеев, нам пока неизвестно. Зато известно, что священник Константин Угревицкий, оправданный в 1922 году, вновь попал под суд в 1929 году. Тогда его осудили по статье 74 УК РСФСР на 5 лет. После наказания он не служил до 1942 года. С этого времени священник вновь настоятельствовал в Самарино. [1, л. 71-об].

Фонд Курского ревтрибунала является хранилищем ценной информации по истории края. К сожалению, сведения протопресвитера Михаила Польского о 68 пострадавших в Курской губернии во время изъятия церковных ценностей, пока подтвердить не удалось. Но и отвергать их рано. Во-первых, значительная часть дел архива ФСБ так и остаётся недоступной для исследователей. Во-вторых, в революционной неразберихе не все дела оформлялись должным образом. В-третьих, не все сохранились. В-четвёртых, изучение фонда Курского ревтрибунала ещё не завершено.

Abstract. The article is devoted to the problem of identifying materials concerning the repressed clergy and clergy (in general) and the issue of studying the materials of the fund of the Kursk Provincial Revolutionary Tribunal in the State Archive of the Kursk Region (in particular). The researcher was forced to turn to these sources by fruitless searches in the archive of the FSB in the Kursk region of the vic-

tims of the campaign to seize church valuables. In the course of the study, the database of the Historical and Archival Commission of the Kursk Diocese was supplemented with the names of priests and laity against whom investigative cases were initiated in 1919-1922. These are Priest John Stefanovich Antonov from the village of Korenskoe, Rylsky Uyezd, Priest Peter Ivanovich Pestryakov from the village of Bezymennoe, Grayvoronsky Uyezd, Priest Alexy Vasilyevich Obolensky from the village of Selino, Dmitrievsky Uyezd, Priest Konstantin Mikhailovich Ugrevitsky from the village of Samarino, Oboyansky Uyezd, and a number of laypeople. Actually, only the case of the priest Konstantin Ugrevitsky is related to the campaign for the seizure of church values. The information of Protopresbyter Mikhail Polsky about 68 victims in the Kursk province during the seizure of church valuables has not yet been confirmed. But it's too early to reject them. First, a significant part of the files of the FSB archive remains inaccessible to researchers. Secondly, in the revolutionary confusion, not all cases were handled properly. Third, not all of them have been preserved. Fourth, the study of the fund of the Kursk Revtribunal has not yet been completed.

Key words: court-martial, seizure of church valuables, investigative case, repression.

Литература и источники

1. Архив Курской епархии. Личное дело протоиерея Угревицкого Константина Михайловича.
2. Архив Управления ФСБ РФ по Курской обл. Архивно уголовное дело №П-11122
3. В годину гнева Божия... Послания слова и речи св. Патриарха Тихона / Сост., автор статьи Н.А. Кривошеева. – М.: ПСТГУ, 2009. – 296 с.:ил.
4. Государственный архив Владимирской области. Ф.357. Оп.1. Ед.хр.765
5. Государственный архив Курской области. Ф. Р-4099. Оп. 2. 76. Дело о священнике с. Селино Алексее Васильевом Оболенском, обвиняемом в контрреволюционном выступлении.
6. ГАКО. Ф. Р-4099. Оп. 2. 191. Дело о священнике Иване Антонове, обвиняемом в контрреволюционной деятельности.
7. ГАКО. Ф. Р-4099. Оп. 2. 205. Дело по обвинению священника Петра Ивановича Пестрякова в контрреволюции и выдаче прихожан Деникинской власти.
8. ГАКО. Ф. Р-4099. Оп. 2. 823. Дело по обвинению граждан Угревицкого, Картамышева и др. в восстании против изъятия церковных ценностей.
9. Книга памяти жертв политических репрессий Курской области. Т. 1. – Курск: ГИУПП «Курск», 1996. – 352 с.
10. Костюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917-2008). Учебное пособие. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – 368 с.
11. Макутчев А.В. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит... Революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. М.: АИРО, 2020. – 256 с.
12. Новые мученики российские. Первое собрание материалов. Часть 1. Сост. протопресвитер М. Польский. – М.: «Красное», 1994 (репринт). – 294 с.
13. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. – М.: ББИ, 1996. – 352 с.

